

ЖИЗНЕОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ СТРАТЕГИИ И МЕДИЦИНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 39+316.347+316:61

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/87-109

© *Н.С. Розов*

МНОГОУРОВНЕВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ СЕКСУАЛЬНОСТИ В АНТРОПОГЕНЕЗЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

На основе теоретического обобщения результатов разнородных исследований человеческой сексуальности реконструированы основные этапы ее эволюции. Показана сложная динамическая связь между такими уровнями явлений и процессов как: внешняя природная и социальная среда (опасности, способы пропитания, отношения с другими группами); групповые потребности и практики в регулировании внутренних отношений, индивидуальные заботы и практики мужчин и женщин, включающие как врожденные инстинктивные программы, так и поведенческие стереотипы, внешний облик и внешние половые признаки, строение мужских и женских гениталий, устройство репродуктивных систем. Анатомические, физиологические и психофизиологические структуры несут в себе отпечаток наиболее древних социальных порядков и сексуальной жизни наших далеких предков. Вокруг репродуктивного «ядра» выстраивается множество дополнительных забот и структур самой разной природы, связанных с привлекательностью, эротическими сигналами и ответами, возбуждением, разнообразными чувствами, моральными отношениями, взаимодействиями, практиками (страсть, любовь, солидарность, долг верности, эротический престиж, власть, сексуальная собственность, ревность, насилие и др.). При этом, ментальные и поведенческие компоненты сексуальности многослойны и наряду с архаическими структурами включают более или менее гибкие, пластичные слои, меняющиеся от эпохи к эпохе, от культуры к культуре, от одних социальных порядков родства, власти, богатства, престижа, насилия – к другим порядкам.

Вся эта «периферийная» сфера сексуальности обретает свою автономию со своими механизмами и закономерностями, которые тесно связаны с экологией, культурой и социальным устройством окружения, поэтому далеко не всегда и не во всем определяются заботами и структурами «ядра» – репродуктивной системы человека и наследственных механизмов адаптации. Как «ядро», так и «периферия» сексуальности характеризуются дополнитель-

ными витками сложности. Сексуальные заботы и структуры каждого пола теснейшим образом связаны с заботами и структурами противоположного пола, во многих аспектах они представляют собой и эволюционируют как целое, хоть и разделенное по индивидам обоих полов. Каждый крупный период антропогенеза наложил свой отпечаток на человеческую сексуальность. Показано, что возобновляющиеся напряжения в сексуальной сфере (в частности, связанные с супружескими изменами) указывают на некий внутренний конфликт между глубинными свойствами сексуальности и последующими социальными, культурными наслоениями.

Ключевые слова: антропогенез, эволюция сексуальности, палеопсихология, сексуальность приматов, моногамия, полигамия, промискуитет

Ссылка при цитировании: Розов Н.С. Многоуровневая эволюция сексуальности в антропогенезе: концептуальная реконструкция // Вестник антропологии, 2021. № 2. С. 87–100.

Многослойность сексуальных структур, практик и отношений

Человеческая сексуальность далеко выходит за рамки репродуктивной функции, но в эволюционном аспекте все же происходит из нее как сложная и расширяющаяся совокупность морфологических, физиологических, ментальных и поведенческих структур. Сама сексуальная потребность с соответствующими заботами изначально является обеспечивающей структурой для генетически заложенной репродуктивной программы. Сексуальное вожделение и удовольствие от спаривания – это «пряник», изобретенный природой в процессе эволюции как вознаграждение за сложный, опасный и утомительный труд репродукции. Секс старше не только человека и приматов, но также всех млекопитающих и далее по списку, вплоть до «первооткрывателей» полового размножения.

У мужчин и женщин¹ при взрослении появляются заботы, определенные с унаследованной системой половой репродукции: внутреннее оплодотворение, долгое вынашивание, трудные роды, долгое кормление молоком и необходимость родительской заботы о ребенке с весьма продолжительной беспомощностью. Существуют объективные заботы репродукции, которые обеспечиваются структурами анатомического, физиологического и психофизиологического характера, а также инстинктивными автоматическими реакциями. Организмы обоих полов так или иначе настроены на обеспечение надежности оплодотворения непосредственно в коитусе. Здесь же имеются уже специфические объективные заботы каждого пола. Согласно классической концепции сексуальных стратегий, у женщин – выбор лучшего и наиболее подходящего генетического материала, у мужчин – получение «приза» оплодотворения в состязании с соперниками (Symons 1979; Моррис 2001).

¹ Будем понимать эти термины в расширенном значении, подразумевая не только современных людей и сапиенсов, но также индивидов разного пола архантропов и палеоантропов. Иногда чтобы подчеркнуть разницу с современными мужчинами и женщинами, будем использовать куртуазные наименования «кавелеры» и «дамы». Грубо звучащие термины «самцы» и «самки» правильнее относить к обезьянам, другим животным, а также к тем нашим далеким предкам, которые еще жили на деревьях.

Здесь будем исходить из того принципа, что анатомические (морфологические, гистологические и проч.), физиологические (гормональные, даже химические) и бессознательные психофизиологические структуры сложились раньше, а значит несут в себе отпечаток наиболее древних социальных порядков и сексуальной жизни наших далеких предков (архантропов и еще более ранних гоминид) (Даймонд 2013; Бутовская 2013). При этом, ментальные (в том числе, осознаваемые в каких-то кодах) и поведенческие компоненты сексуальности многослойны и наряду с архаическими структурами включают более или менее гибкие, пластичные слои, меняющиеся от эпохи к эпохе, от культуры к культуре, от одних социальных порядков родства, власти, богатства, престижа, насилия – к другим порядкам.

Таким образом, вокруг репродуктивного «ядра» выстраивается множество дополнительных забот и структур самой разной природы, связанных с привлекательностью, эротическими сигналами и ответами, возбуждением, разнообразными чувствами, моральными отношениями, взаимодействиями, практиками (страсть, любовь, солидарность, долг верности, эротический престиж, власть, сексуальная собственность, ревность, насилие и др.). Вся эта «периферийная» сфера сексуальности обретает свою автономию со своими механизмами и закономерностями, которые тесно связаны с экологией, культурой и социальным устройством окружения, поэтому далеко не всегда и не во всем определяются заботами и структурами «ядра» – репродуктивной системы человека и наследственными механизмами адаптации (Басс 2019; Mealey 2000; Prum 2017).

Как «ядро», так и «периферия» сексуальности, характеризуются дополнительными витками сложности. Сексуальные заботы и структуры каждого пола теснейшим образом связаны с заботами и структурами противоположного пола, во многих аспектах они представляют собой и эволюционируют как целое, хоть и разделенное по индивидам обоих полов. Наиболее наглядно это проявляется в телесных, мимических, коммуникативных эротических сигналах и автоматических ответах на них. Однако скрытые от наших глаз замысловатые внутренние устройства половых органов и гормональных систем мужчин и женщин имеют подобную же целостную структуру, причем эта целостность парадоксальна в своей двойственной природе, сочетающей взаимную приспособленность и конфликтность полов. Общие для обоих полов заботы включают выбор партнера или партнеров по предпочтительным признакам, доступ к партнеру, в том числе сексуальный, соперничество за возможность спаривания (разового, спорадического или регулярного). Все эти заботы реализуются через поведение и каким-то образом представлены в психике, ментальности индивидов. Так, чувства ревности, которые могут быть очень по-разному структурированы, являются выражением заботы об исключительности своего доступа к партнеру (супругу, любовнику, жене, женам, наложницам и т.д.).

Важнейшим фактором также является социальность – жизнь каждого индивида, сексуальных партнеров, семьи среди других мужчин и женщин (Даймонд 2013: 31–50). У групп же есть свои предметы заботы, обычно связанные с поддержанием внутреннего мира, солидарности, контроля над насилием, а также с поддержанием установленных порядков отношений, в том числе эгалитарного или иерархического типа. Понятно, что вся сфера сексуальности с выбором партнеров, соперничеством, порядками сексуального доступа, обменом и распределением благ в связи с этими взаимодействиями всегда чревата напряжениями и конфликтами. Поэтому в стабильных

и успешных группах эгалитарного типа выработаны поведенческие структуры (правила, в том числе предписания, запреты, санкции для нарушителей), направленные на снятие напряжений, разрешение конфликтов и поддержание внутригрупповой солидарности. Такие групповые структуры существенно формируют как сексуальные заботы, так и обеспечивающие их структуры и у мужчин, и у женщин.

Для эволюции социальных порядков, а значит и для сферы сексуальности, имеет значение также природная, экологическая среда. Прежде всего, здесь речь должна идти о характере пищевых ресурсов, о том, как их принято, легче и удобнее добывать, а также об угрозах, опасностях и социальных практиках защиты от них. В каких-то местах мужчины охотятся большой группой или компанией близких родственников, а женщины сообща занимаются собирательством. В других местах удобнее надолго расходиться парами или малыми семьями, а потом все встречаются на стойбищах, где проводятся общие ритуалы, образуются новые пары. В экологической обстановке третьего типа кормовая территория делится между кланами, родами, как правило, патриархатного и полигамного типа (*Джонсон, Эрл 2017*). В эпоху неолита охота и собирательство вытесняются земледелием и скотоводством, когда уже складываются большие иерархические общества с сословиями и классами, институализированными полигамией и моногамией.

Каждая эпоха накладывает свой отпечаток на человеческую сексуальность, но резонно предполагать, что ее фундаментальные, глубинные черты – от анатомии и физиологии до врожденных инстинктивных гормональных и психических реакций – эволюционировали в наиболее древних экологических обстоятельствах. А это значит, что неизбывные возобновляющиеся напряжения в сексуальной сфере (главное из которых – вечная борьба с супружескими изменами) указывают на некий внутренний конфликт между глубинными чертами и последующими наслоениями.

Многие области в этой сложной сфере изучены весьма досконально, но остается немало «белых пятен» и предметов бурных научных дискуссий. Имея в виду высказанные теоретические положения, а также принципы биологической и социальной эволюции, попытаемся привести эту сложность (усугубленную скандальностью и «неприличностью» деталей и аспектов) к более или менее ясной и вразумительной форме.

Уровни и этапы развития сексуальности

Выделим следующие уровни явлений и процессов, которые либо прямо включены в сферу сексуальности, либо влияли (прямо или опосредованно) на ее развитие в эпоху антропогенеза:

1. внешняя природная и социальная среда – опасности, способы пропитания, отношения с другими группами;
2. групповые заботы – опредмеченные объективные потребности, невнимание к которым грозит группе распадом или гибелью;
3. групповые практики – правила, типовые реакции, санкции за нарушения, коллективные действия, обеспечивающие эти заботы;
4. индивидуальные заботы мужчин и женщин, включающие как врожденные потребности, связанные с достижением репродуктивного успеха, так и мотивы, цели, обретенные в социализации в группе;

5. индивидуальные практики мужчин и женщин, также включающие и врожденные инстинктивные программы, и поведенческие стереотипы, социально и культурно модифицированные на основе имеющихся задатков;
6. внешний облик, антропометрические характеристики – размер головы у младенцев (что важно при родах), характер волосяного покрова, первичные и вторичные половые признаки у мужчин и женщин;
7. строение мужских и женских гениталий – форма, размер, чувствительность пениса и клитора, открытость или скрытость овуляции;
8. устройство репродуктивных систем – «вооруженность» мужского семени для соперничества и механизмы избирательности в женских половых путях.

В теоретическом плане, внешняя среда (п. 1) представляет собой источник напряжений для групповых забот (п. 2). Базовые индивидуальные потребности в половой сфере (п. 4), по сути дела, являются сформированными в эволюции структурами психики и физиологии, обеспечивающими репродуктивную функцию – «заботу» популяции и вида. Эти потребности модифицируются, превращаются в филогенезе и онтогенезе в более или менее осознаваемые заботы, сочетая в себе как задатки, унаследованные от далеких предков, так и рамки, ограничения актуального социального окружения, которые задаются групповыми заботами (п. 2) и обеспечивающими их групповыми практиками социального контроля над сексуальным поведением членов группы (п. 3). Все остальные характеристики поведения, психики, тел, организмов мужчин и женщин, связанные с полом (пп. 5-8), трактуются здесь как эволюционно сформировавшиеся структуры, обеспечивающие индивидуальные потребности и заботы носителей (п.4), но при этом могущие вступать в конфликт с групповыми заботами (п. 2) и групповыми практиками (п. 3).

Деление эволюции человеческой сексуальности на этапы – наиболее зыбкая, произвольная и в научном плане рискованная затея. Почти никаких следов сексуальности в антропогенезе не осталось, а ссылки на антропологические описания известных обществ охотников-собирателей, на этологию приматов, теоретические соображения эту зыбкость не устраняют. Однако с полным осознанием условности схемы разделения на этапы все же она нужна: будет что опровергать, когда исследователи надут надежные данные и убедительные контрдоводы.

0 этап. Древнейшие прегоминиды, жившие еще на деревьях. Толком никому ничего про них не известно. Можно предполагать сходство с жизнью наиболее близких приматов, живущих группами: шимпанзе и бонобо.

1 этап. Нижний палеолит. Австралопитеки и архантропы (эректусы).

2 этап. Средний палеолит. Палеоантропы, включающие неандертальцев, денисовцев, гейдельбергского человека и др., а также те виды или разновидности Африки (хелмеи, идалту), которые трансформируются в неантропов (ранних сапиенсов).

3 этап. Верхний палеолит. Сапиенсы заселяют Евразию, вытесняют палеоантропов.

4 этап. Мезолит. Сапиенсы оседают в разных регионах заселенных земель. Формируются большие и малые расы.

5 этап. Неолит. Переход к оседлому земледелию и скотоводству. Развитие керамики, металлургии и ткачества. Быстрый демографический рост и укрупнение обществ. Иерархизация, сословное и классовое расслоение.

Секс у приматов – межвидовое сравнение

В жизни прегоминид на деревьях можно только предполагать сходство их социальной, в том числе, сексуальной жизни с наиболее близкими приматами. Гиббоны живут изолированными парами. Сексуальные акты редкие, сезонные, направлены на репродукцию. У горилл крупный взрослый самец (как правило, с седой шерстью на спине) управляет своим гаремом. Подросшие черноспинные самцы изгоняются и вынуждены искать, отбивать самок, создавать свои гаремы. Для шимпанзе характерны множественные сексуальные контакты между разными самками и самцами в группе¹, при этом в ней весьма значимы отношения иерархии, отношения бывают дружественными, конфликтными, соперничающими. Доминантные особи имеют более широкие сексуальные возможности, но устойчивые гаремы вокруг альфа-самцов не складываются, скорее, имеет место сложная динамика отношений, где одни коалиции самцов противостоят другим, причем все вместе охраняют свою территорию и своих самок². Сексуальные отношения встраиваются в эту динамику, но и влияют на нее. Бонобо занимаются сексом или игровой имитацией секса постоянно в разных сочетаниях, что разрешает практически любые конфликты и укрепляет солидарность. Наибольшая сплоченность наблюдается между взрослыми самками, которые мягко управляют сообществом, преимущественно через частый и добровольный секс, через доступ к сексу. У всех этих видов копуляции совершаются достаточно быстро: секунды или считанные минуты, причем открыто для окружающих (кроме гиббонов, пары которых вообще ведут весьма изолированный и скрытный образ жизни).

Люди характеризуются самыми разнообразными структурами и практиками социальных взаимодействий и отношений: здесь есть и моногамия, и полигамия, и сексуальное общение с хорошо знакомыми (в том числе супружеские измены), и случайные кратковременные связи с незнакомцами и незнакомками (собственно, промискуитет). При этом, человеческий секс, как правило, более продолжителен, сопровождается сильными эмоциями, происходит уединенно³. Дж. Даймонд спра-

¹ Термин «промискуитет», означающий беспорядочность, случайность половых связей, здесь использовать не корректно, поскольку члены группы хорошо знакомы между собой и в некотором смысле представляют собой большую семью, пусть и достаточно конфликтную в сообществах шимпанзе.

² Традиционные представления о постоянной конфликтности и взаимной агрессивности шимпанзе были существенно скорректированы. Такое поведение обычно связано с единым каналом поступления пищи и борьбы за нее (что и бывает в питомниках или подкармливании вольных шимпанзе для наблюдения за ними). В естественной среде при относительно изобилии пищи вокруг конфликтность резко снижается. Джейн Гудолл пишет: «Постоянное кормление возымело ярко выраженный эффект на поведение шимпанзе. Они начали ходить большими группами чаще, чем раньше. Они спали неподалёку от лагеря и, проснувшись рано утром, направлялись к нему шумными стаями. Самое неприятное — взрослые самцы становились всё более и более агрессивными (...) Не только стало намного больше драк, чем раньше, но многие шимпанзе бродили около лагеря часами каждый день» (цит. по Power 1991: 28–29).

³ Практики оргий, свингерства и т.п. довольно редки. В обществах на уровнях государственности или варварства они либо строго запрещены и караются, либо морально порицаемы, скрываются (хотя им иногда попустительствуют в особые архаические празднества типа ночи Ивана Купала). Отметим, что в таких действиях не царят «хаос и вседозволенность», как можно было бы думать. Там обычно действуют довольно строгие правила, запрещающие грубое принуждение, насилие, особенно по мотивам ревности, а нарушившие эти правила подвергаются жесткому ostracismu, изгоняются без права возвращения.

ведливо отмечает крайнюю необычность паттерна уединенного секса, который мы считаем чем-то само собой разумеющимся. Почти для всех животных, тем более социальных (живущих группами), гордо спариться с самкой на виду у всех значит наглядно подтвердить свою доминирующую позицию (*Даймонд* 2013: 3–10).

К какой же модели наших ближайших родственников ближе наша сексуальная жизнь? Стойкие приверженцы классической концепции естественности моногамии укажут на гиббонов¹, однако такому уподоблению противоречит слишком много различий, начиная от частоты и эмоциональности человеческих сношений, нередких супружеских измен и кончая гораздо более крупными яичками у мужчин. Они меньше, чем у шимпанзе и бонобо, но гораздо крупнее, чем у гиббонов. Большой размер тестикул прямо указывает на высокую конкуренцию кавалеров. Вообще животные, живущие парами, имеют низкое либидо, они совокупляются редко и только для продолжения рода. Люди в подавляющем большинстве не таковы. Полигамная человеческая семья, разумеется, сходна с гаремом у горилл, но опять же частота секса у людей, их склонность к изменам, мизерные яички у горилл, которым не нужно конкурировать за самок, гораздо менее выраженный половой диморфизм у людей² – все это говорит, скорее, о позднейшей конвергенции таких социальных порядков, а не о преемственности.

Таким образом, наиболее близкими нам в сфере сексуальности оказываются шимпанзе и бонобо. С первыми нас роднят мужские коалиции, солидарные внутри и конфликтные, состязающиеся между собой, интенсивная борьба за первенство и доминирование, особенно сильная при дефицитных ресурсах, в борьбе кавалеров за доступ к привлекательным дамам. На сходство с шимпанзе указывают также наша большая озабоченность личным статусом, уровнем группового членства, влиянием и властью, готовность защищать свои интересы агрессией. Известно, что центры сексуальности в мозге мужчин почти сливаются с центрами агрессивности (в амигдале) и нередко совместно возбуждаются.

Поведение бонобо поражает нас сексуальной «распушенностью» или «свободой» (в зависимости от оценки), странным кажется также мягкое доминирование самок. Вместе с тем, следует указать на весьма многозначительный перечень сходств между бонобо и людьми при отличиях тех и других от шимпанзе.

- «Самки человека и бонобо совокупляются в течение всего менструального цикла, а также в период кормления и беременности. Самки шимпанзе сексуально активны лишь 25–40 % процентов этого времени.
- Детеныши человека и бонобо развиваются гораздо медленнее, чем шимпанзе; начинают играть друг с другом в возрасте 1,5 года – гораздо позже, чем у шимпанзе.
- Как и у людей, самки бонобо возвращаются в группу немедленно после родов и начинают совокупляться через несколько месяцев. Они не боятся детоубийства – этого явления никогда не наблюдалось у бонобо ни в природе, ни в неволе.

---

¹ Впрочем, как выяснилось, гиббоны также грешат супружескими изменами (Palombit 1994; Reichard 1995).

² Гораздо более крупный и вооруженный размер самцов (вариант полового диморфизма) характерен для животных, живущих гаремными группами, поскольку самцам приходится регулярно отстаивать или завоевывать доминирование над группой самок и молодняком в борьбе, даже в смертельных боях с соперниками (гориллы, львы, морские слоны и др.).

- Бонобо и люди используют множество позиций для половых актов. Поза лицом к лицу («миссионерская») предпочитается у бонобо самками, а акт сзади – самцами. У шимпанзе самец почти исключительно находится сзади.
- Бонобо и человек во время совокупления часто смотрят друг другу в глаза и целуются. Шимпанзе не делают ни того, ни другого.
- У человека и бонобо вульва расположена между ног и ориентирована к передней части тела. У шимпанзе и других приматов – к задней. Дележка еды тесно связана с сексуальной активностью у человека и бонобо; у шимпанзе это выражено гораздо слабее.
- Человек и бонобо используют различные сексуальные комбинации; гомосексуализм типичен для обоих, но редок у шимпанзе (...).
- В то время как сексуальная активность шимпанзе и других приматов представляется в основном репродуктивной, бонобо и люди используют сексуальность для социальных целей (снятие напряженности, поддержка отношений, разрешение конфликтов, получение удовольствия и пр.)» (Райан, Жета 2015: 53–53).

Зафиксируем контраст этих признаков сходства человека и бонобо с тем, насколько скромнее и «приличнее» мы себя ведем, по крайней мере, в повседневном публичном поведении.

Убегая от «кнута», укрепить солидарность «пряником»

Вынужденный спуск на землю представлял собой долгий стресс и жесткий групповой отбор из-за резкого роста угроз от хищников и трудностей добычи пропитания, в том числе из-за остроты межвидовой конкуренции. Опасность окружения, особенно ночью, привела к сплочению групп, в том числе физическому. Еда уже не изобильна и не рядом, но требовала дальних переходов и добывания. Выживали только солидарные группы, научившиеся делить собранную и добытую пищу. При этом оставались сексуальные стратегии выбора привлекательного партнера, а значит и соперничество. Овладение гоминидами все более совершенным смертоносным оружием является не только структурой, обеспечивающей базовый предмет заботы – пропитание, но также существенной издержкой: все более легкой возможностью членов группы калечить и убивать друг друга. За еду социальные животные друг друга не убивают, что запрограммировано генетически – на уровне инстинктивных запретов, но в жестоких битвах за доминирование в группе, соответственно, за сексуальный доступ к самкам, во многих видах (от птиц до львов, бегемотов, морских слонов, жирафов и кенгуру) самцы наносят друг другу серьезные травмы, иногда приводящие к гибели проигравшего¹.

¹ Среди людей убийства из-за еды почти не случаются, разве что в самых экстремальных обстоятельствах. Напротив, в ситуациях здесь-и-сейчас мы склонны делиться едой, о чем свидетельствуют практически универсальные традиции гостеприимства. При этом, убийства, связанные с ревностью, являются чуть ли не самыми частыми (за пределами войн и бандитизма). Несмотря на многие столетия развития религиозной, потом гуманистической морали, несмотря на «смягчение нравов» и прогресс в контроле над насилием, о котором пишут многие авторы, человекоубийство на почве отношений в сексуальной и брачной сфере отнюдь не исчезло.

Исключительный доступ к ресурсам своей земли для группы, создателя оружия – к своему оружию, строителя лежбища или жилища – к тому, чтобы им пользоваться, все это когда-то появившиеся нормы, причем основанные на древнейших, вполне животных инстинктах охраны своей территории. Такие ранние структуры отношений, аналогичные знакомой нам собственности, могут наводить на мысль и на столь же ранние формы моногамии, базовое отношение которой как раз и заключается во взаимной сексуальной собственности – обоюдным исключительным правом на сексуальный доступ к супругу (Коллинз 2004). Однако ниоткуда не следует, что это было именно индивидуальным правом, сходным с собственностью на оружие, а не групповой собственностью, сходной с контролем над своей территорией.

Есть ли у нас внутренний, инстинктивный барьер, препятствующий нанесению жестокий увечий и убийствам? Безусловно, причем он наиболее высокий для «своих», для соплеменников. Эту ментальную структуру поэтому можно считать весьма архаичной, доставшейся нам от жизни в группе, где все были друг другу «своими». Почему же этот инстинктивный запрет не так уж редко «пробивается» ревностью? Если бы моногамия и полигамия были действительно исконными порядками в сфере сексуальности, то почему полная верность супругу не была закреплена на уровне инстинктов?

Пока что укажем на гипотезу о довольно позднем закреплении моногамии и полигамии в столь строгие порядки, нарушения которых стали приводить к жестокому насилию (Bellis, Baker 1990; Birkhead 2000; Barash, Lipton 2001; Бэйкер 2013; Райан, Жета 2015). В любом случае некие структуры группового и индивидуального поведения должны были обеспечивать относительный мир в сфере половых отношений. Если верно предположение о том, что социальная и сексуальная жизнь наших предков в этот период находилась между шимпанзе и бонобо (Даймонд 2013; Райан, Жета 2015), то, скорее, сдвиг произошел от большей агрессивности, борьбы за первенство, иерархичности шимпанзе – к большему дружелюбию и эгалитарности бонобо.

Обратимся к концепции «самоодомашнивания» бонобо через систематический отсев агрессивных самцов доминирующими коалициями самок (Hare, Wobber, Wrangham 2012). Дамы ранних гоминид, оставаясь в стойбищах, вполне могли также совместно защищаться от наиболее агрессивных кавалеров, отказывать им в сексе, а значит и в распространении генов. Разумеется, вооруженность и сплоченность охотников препятствовала захвату слишком большой власти женскими коалициями. Но та же сплоченность была направлена и на особо агрессивных одиночек. Такую более или менее дружелюбную эгалитарность внутри группы антропологи наблюдают и среди дошедших до нашего времени групп охотников-собирателей (Джонсон, Эрл 2017: 279–196).

Сдвиг социальности древнейших гоминид в сторону бонобо не мог не повлечь за собой и соответствующие сдвиги в сексуальном поведении. Детали нам никогда не будут известны, но вполне резонно предполагать движение в сторону эгалитарности, добровольности, а значит и более широких возможностей дам выбирать и менять кавалеров. Блокирование насилия и порядок добровольности секса предполагал конкуренцию. Удачливые охотники могли наслаждаться вниманием разных дам, а каждая дама могла награждать своим расположением нескольких неагрессивных, доброжелательных кавалеров, приносящих вкусную еду. Была ли такая картина характерной

для всех гоминид, спустившихся с деревьев? Сомнительно. Вся ветвь австралопитеков вымерла, из архантропов выжили только те, кто трансформировался в палеоантропов, а затем – в сапиенсов. Наиболее хрупкими, не прошедшими суровый отбор были популяции и разновидности групп с взаимным отчуждением и постоянными стычками самцов за первенство, за еду, за самок. Крайне уязвимыми представляются и те, кто жили отдельными парами или малыми гаремными группами.

«Кнут» в антропогенезе состоял не только в стрессе перехода к опасной и грозной голодом наземной жизни, но и в частых сменах климата, ландшафтов, способов питания, вынужденных миграциях. Будучи гонимы этим «кнутом», выживали не все, а только дружные сплоченные группы, члены которых заботятся друг о друге, о всех детях в группе, делятся добытой едой, возможно, и партнерами. От «кнута» сурового окружения защищал «пряник» эгалитарной солидарности, в том числе, сексуальной.

При сапиентации «пряник» секса становится вкуснее

В Африке примерно 800-200 тыс. лет назад происходит волшебное превращение одной или нескольких разновидностей палеоантропов (пресапиенсов) в неантропов, вначале в форме ранних сапиенсов. Тогда же осуществлялись главные анатомические трансформации: изменение формы черепа, кистей рук, особенностей скелета. Вероятно, в то же время шли и другие изменения, о которых археологические останки умалчивают. Формирование базовых нейронных, психических, гормональных структур сексуальности сапиенсов шло в тесно динамической связи со следующими изменениями:

- тела становились голыми, женские груди и ягодицы, мужские пенисы стали лучше видимыми и усилилось их сигнальное значение для сексуального возбуждения; в результате полового отбора все эти признаки обретали знакомые нам размеры и формы (*Morris 2001*);
- голая кожа становилась чувствительной к прикосновениям, что дало возможность существенно расширить сексуальное общение, поскольку к непосредственный акт копуляции дополнялся всевозможными тактильными ласками, поцелуями и т.д. (*Giles 2010; Соколов 2020*);
- овуляция становилась скрытой, в том числе от самих женщин; появилась менапауза (*Fisher 1992; Hrdy 1999; Даймонд 2013*);
- женщины стали способны испытывать сильный и многократный оргазм как награду – «сообщение от тела к мозгу» – за правильный выбор партнера (*Lloyd 2005; Thornhill, Gangestad 2015; Wheatley, Puts 2015*);
- развивались «боевые свойства» мужского семени, направленные, на победу в «войне сперм» и сложные анатомические, химические механизмы женской избирательности, напрямую связанные с (не)переживанием оргазма (*Bellis, Baker 1990; Birkhead 2000; Бэйкер 2013*);
- у женщин сформировалась целостная эмоционально-сексуальная психическая структура, вероятно, на основе любви девочек к отцу как надежному защитнику (*Sherfey 1972; Fisher 1992*);
- у мальчиков произошло отделение половой потребности от детской любви к матери, скрепление этой потребности со структурами мужской идентичности, агрессивности, преследования, завоевания, обладания, а также престижа среди сверстников (*Даймонд 2013*).

В тот же период, вероятно, формировались язык, сознание и память; партнерские отношения (в том числе, сексуальные) и раньше выходили за ситуативные рамки, но теперь они обозначались, становились предметом группового и индивидуального внимания, что позволяло членораздельно выражать не только свое приятие или неприятие, но также выражать пожелания, претензии, устанавливать правила, указывать на их нарушение и т.п.; соответственно, сексуальность, как и остальные социальные отношения становилась порядком, доступным для регуляции не через непосредственный надзор со стороны доминирующих особей, а через усвоенные членами группы правила и установки. Как именно были устроены сексуальные отношения в этот период, мы никогда не узнаем в точности. Благонамеренная версия «исконной», «естественной» и устойчивой моногамии сталкивается со слишком серьезными контраргументами. Наиболее вероятен вариант широкого разнообразия и текучести структур отношений. Это могли быть краткосрочные или более долговременные парные связи, отношения полигамии или полиандрии, более открытые и широкие связи типа «шведской семьи». При этом, в древнейших эгалитарных группах охотников-собираателей сохранялся единый общий знаменатель: групповая норма поддержания дружелюбия, добровольности отношений, запрет на межполовое насилие и на насилие между соперниками. Можно предполагать также неприятие, насмешки над эгоистической жадностью и попытками присвоения партнеров и партнерш (по аналогии с неприятием утаивания добычи от соплеменников).

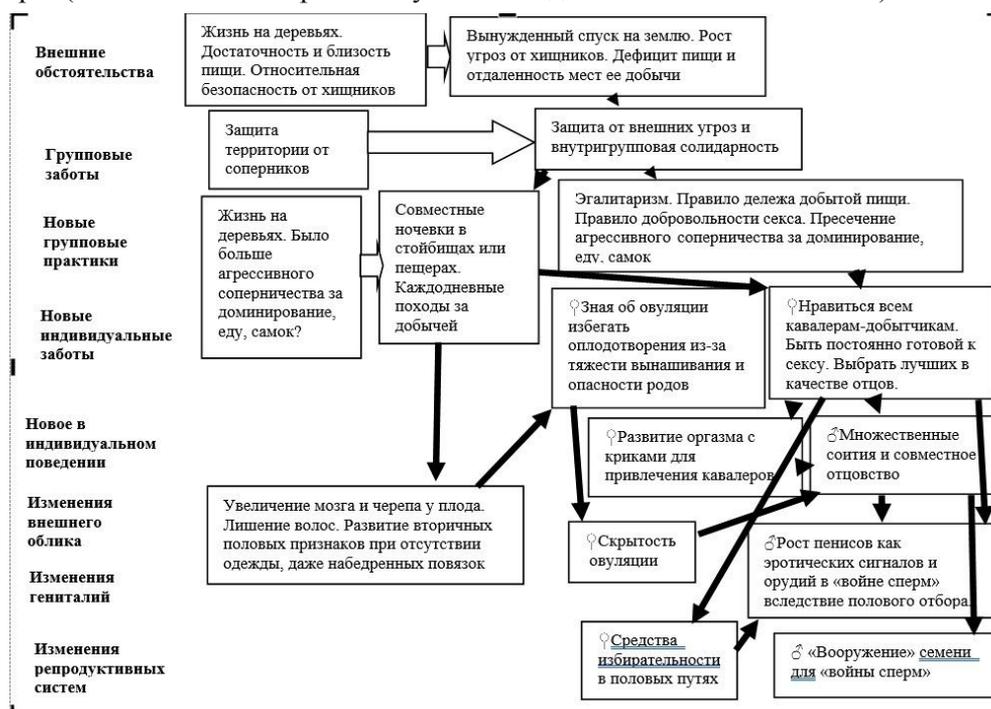

Рис. 1. Эволюция сексуальности на первых этапах антропогенеза: от спуска на землю до формирования неантропов – ранних сапиенов в Африке.

Во внешних отношениях выигрывали те группы, которые устанавливали связи добрососедства, обмена и родства с другими группами, тем самым образуя силь-

ные коалиции при возможных конфликтных столкновениях. Кажущиеся странными обычаи ритуальных соитий с чужаками, описанные антропологами, вероятно, являются реликтовыми формами древнейших практик (Райан, Жета 2015). Какое же приспособительное значение имела вся эта сложность? Комплекс разноуровневых структур сексуальности (рис. 1) имел статус «волшебной палочки», обеспечивающей ряд важнейших групповых и индивидуальных забот:

- поддержание внутригруппового мира и солидарности в условиях перманентного соперничества;
- надежная общая забота о детях, взросление которых становилось замедленным;
- возможность для женщин выстраивать отношения и совокупляться с разными привлекательными мужчинами, получая от них поддержку, а также зачиная от тех, чьи гены наиболее подходящие;
- возможность для мужчин иметь доступ ко многим женщинам.

Каждодневный человеческий секс, пусть не такой частый, как у бонобо, но гораздо более изощренный, нежный, продолжительный и эмоционально насыщенный, стал тем усовершенствованным «пряником», который вознаграждал каждого за мирное и солидарное поведение в группе.

Одежда, жилища и уединенный секс

Впечатляющий прогресс древних технологий при переходе от среднего к верхнему палеолиту, вероятно, был связан с заселением ранними сапиенсами именно того ареала Евразии, где уже жили неандертальцы, пусть малыми группами и рассредоточено. Появляются не только изощренные составные орудия, микролиты, изделия из кости, украшения, погребения с реквизитом и т.п., но также одежда и первые жилища, причем многое, по всей видимости, было быстро заимствовано у неандертальцев, которые уже многие тысячелетия приспособивались к холодному климату Евразии, особенно при наступлении ледников (Вишняцкий 2014; Дробышевский 2017). В сексуальной сфере, скорее всего, продолжалось широкое и подвижное разнообразие отношений. Однако обретение одежды и жилищ не могло не оказать существенного влияния. К тому же, новый обширный континент характеризовался богатейшими охотничьими угодьями благодаря степям с сочной травой и стадами крупных травоядных животных. Совершенствование оружия, мастерское владение открытым огнем снизило риски стать жертвой нападения хищников. Отпала необходимость всей группе пугливо жаться друг к другу по ночам.

Социальная норма уединенности секса и соответствующие внутренние представления о «приличности», «естественности» соитий вне присутствия и глаз окружающих, предположительно, имеет корни именно в этой эпохе. Тогда же, вероятно, происходил сдвиг от широкой взаимной открытости типа «шведской семьи» к моногамным и полигамным формам, пусть пока что не слишком жестко закрепленным и охраняемым.

Отнюдь не случайным смотрится в этом контексте широкое распространение керамических «венер», характерное именно для верхнего палеолита. До сих пор нет научного согласия об их предназначении. Версии разнятся от «низкого» подспорья для мужской и подростковой мастурбации до «высокого» поклонения символу материн-

ского плодородия. Вряд ли когда-либо будет найдено устраивающее всех решение в качестве школьной «истины». Некоторые моменты все же полезно обозначить. Широкое распространение палеолитических «венер» свидетельствует о высоком спросе на них, о вероятных обменах, а значит и большой меновой, потребительской стоимости этих фигурок. То, что в подавляющем большинстве «венеры» – голые и обладают ярко выраженными грудями, ягодицами как главными сигналами для инстинктивного мужского возбуждения, никак не позволяет вывести практику создания и использования этих предметов из эротической и сексуальной сферы. При сопоставлении «венер» с обретением одежды, жилищ и принятием нормы уединенного секса версия о замещении, утолении зрительного голода у мужчин становится самой правдоподобной. Добавим здесь, что различие «низкой похоти» и «высокого религиозного поклонения» – это достижение гораздо более поздней эпохи. Магические и религиозные культы, эротика и сексуальное удовлетворение в древнейшие периоды не то что могли соединяться, но, скорее всего, даже не были особенно разделены.

На следующем этапе, в мезолите, когда неандертальцев уже не осталось, разросшиеся популяции средних сапиенсов расселились по всей Евразии, заселили Новый

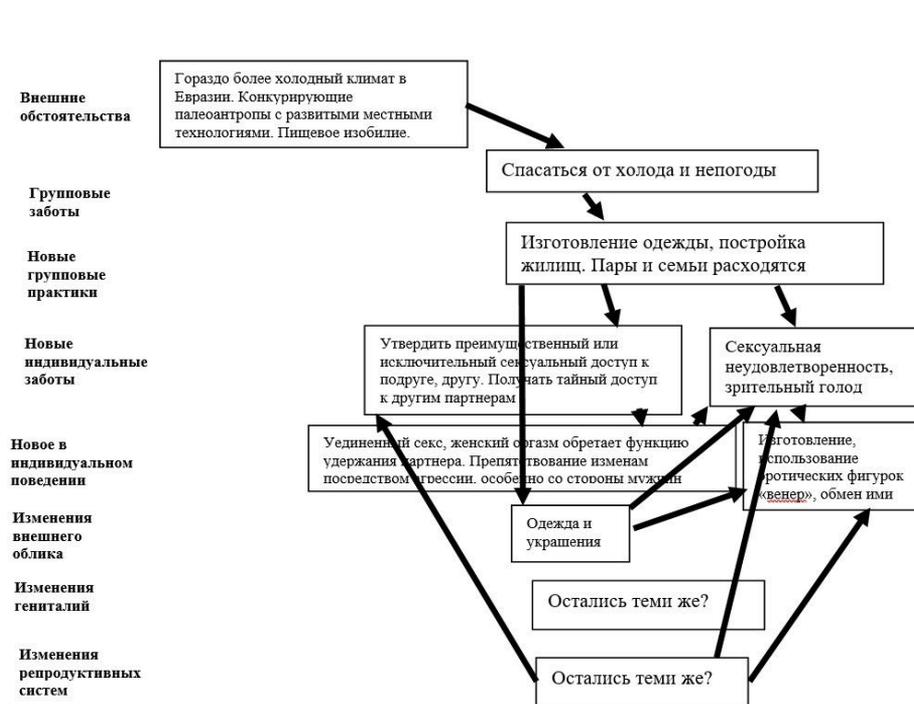

Рис. 2. Эволюция сексуальности на последующих этапах антропогенеза: от начала заселения сапиенсами Евразии до начала неолита.

Свет, новыми волнами отправились в Океанию и Австралию. В этот период «краниологический полиморфизм» по В.В. Бунаку, то есть широкое и текучее разнообразие соматотипов в малых популяциях бродячих групп, стал кристаллизоваться в большие и малые расы, занявшие разные земли планетарной ойкумены. Разные типы социальных структур были приспособлены к разным экологическим условиям. Жили бродячими группами с переходами между сезонными стоянками, деревнями, расходились на время парами и семьями, чтобы потом встречаться на стойбищах,

в каких-то местах гаремные кланы или коалиции таких кланов монополизировали ценные ресурсы (колодцы в засушливой местности, места рыбной ловли, охотничьи угодья) (Джонс, Эрл 2017).

Сложнейшее антропологическое разнообразие форм родства и сексуальных практик в догосударственных сообществах имеет свои истоки в данном периоде. Следует отметить, что это разнообразие оставалось в границах сформировавшихся на прежних этапах анатомических, гормональных и психофизиологических структур, а также более поздних норм: запрета обнажаться на публике и обязательной уединенности секса (рис. 2).

Загадка одного размера

Дж. Даймонд считает нерешенной загадкой эволюционной биологии человека: относительно большой размер человеческого пениса в сравнении с остальными приматами (Даймонд 2013). В известной концепции «войны сперм» толщина и форма пениса объясняются функцией выталкивания чужой спермы (Bellis, Baker 1990; Birkhead 2000; Бэйкер 2013). Но зачем такая длина, которая явно больше, чем необходима как для оплодотворения, так и для выталкивания? Самцы шимпанзе и бонобо при своих частых сношениях с одними и теми самками гораздо больше вовлечены в «войну сперм», но почему-то лишены столь крупных пенисов, которыми награждены мужчины. Следует искать другие причины. Вполне очевидно, что большой размер эрегированного пениса имеет сигнальное значение готовности к половому акту, а также выражает высокую маскулинность владельца. Есть симметричная гипотеза о том, что большой пенис появился в результате полового отбора из-за своей привлекательности для женщин (примерно как их большие груди и округлые ягодицы стали эротически привлекательны для мужчин).

Модель «честной рекламы» означает, что если пенис такой большой, значит и здоровья, жизненных сил у мужчины достаточно, чтобы на такую роскошь потратиться. «Теория гандикапа» состоит в том, что именно размашистая щедрость на выращивание функционально не оправданного размера пениса должна убедить женщину в превосходном качестве генов его владельца. Тут будто бы действует логика привлекательности тех, кто разбрасывает деньги на слишком дорогое или даже вовсе бесполезное, что будто бы должно свидетельствовать о богатстве. Прямо скажем, обе гипотезы выглядят слишком натянутыми, что отмечают критики (Даймонд 2013). Далеко не всех женщин привлекает величина пениса, нередко даже отталкивает, пугает. Женщины больше реагируют совсем на иные черты мужчин, причем характеристики не только внешности, но также социального поведения и зримого статуса.

Здесь есть много противоречивых данных. Так, с одной стороны, эмпирически подтверждено, что фактором сексуальной привлекательности во внешности мужчины является сочетание высокого роста, широких плеч и большого пениса. Об этом свидетельствуют результаты специальных экспериментов с варьированием разных характеристик фотографий мужчин с помощью компьютерной программы и оценкой их сексуальной привлекательности испытуемыми женщинами (Mautz et al. 2013). С другой стороны, в этом эксперименте женщин принуждали оценивать привлекательность мужчин *только* по изображениям их голых тел. К тому же, при широких опросах (N=1500) более 70% женщин указали на излишнюю переоценку

мужчинами значимости размера своих членов, а многие женщины утверждали, что этот параметр вообще не имеет для них значения (*Pertschuk, Trisdorfer* 1994).

Похоже, здесь не релевантен типичный в эволюционной биологии прямой, одношаговый механизм отбора, благодаря которому относительный размер пениса последовательно увеличивался в процессах антропогенеза. Скорее всего, механизм включает несколько шагов и несколько факторов, причем с моментами социального взаимодействия, формирования и демонстративного проявления поведенческих установок, особенностей мужской и женской психологии, поведения как при сексуальном взаимодействии, так и в общении в однополых группах. Относительно далекого прошлого отметим, что когда происходили основные, значимые для сексуальности анатомические изменения (лишение волос, обретение дамами пышных бедер и груди, увеличение размера пенисов у мужчин) никаких набедренных повязок не было, соответственно гениталии кавалеров и дам были друг другу открыты.

Будем также учитывать следующие моменты уже из знакомой нам жизни:

- маленькие дети ничуть не стесняются своей наготы, их приходится приучать прикрывать свои гениталии; это означает отсутствие инстинктивного, следовательно, очень древнего запрета; большой разброс культурных норм – что можно, а что нельзя ни в коем случае обнажать на публике – указывает на достаточно позднее и вариативное происхождение таких правил;
- при этом, в известных нам культурах ношение (как минимум) набедренных повязок практически повсеместно, что говорит об особой архаичности обычая; вероятно, здесь издревле действует жесткая социальная норма, в какой-то момент и по каким-то причинам установленная;
- вид обнаженного мужского члена, особенно эрегированного, вызывает сильные эмоции, связанные, прежде всего, с «неприличностью» и мужским превосходством, доминированием; даже в тех культурах, где распространены изображения фаллоса как символа плодородия, или где носят разукрашенные фаллокрипты (начленники) или панталоны с гульфиками, все-таки принято на публике сами достоинства как-то скрывать, прикрывать; наши эмоции (возмущение, аффект, смех, презрение) как реакция на такую обнаженность мужского члена, особенно эрегированного¹, жесткость и универсальность соответствующего запрета указывают на какой-то весьма древний перелом в отношениях группы, общества к такому обнажению, которое стало восприниматься как нечто «похабное»;
- практики оргий, свинга, «свального греха» и т.п. всегда были и остаются чем-то особым, необычным, на грани допустимого или за гранью; в таких ситуациях демонстрация эрегированных членов имеет знаковый, демонстративный характер нарушения обычных запретов, что только утверждает их значимость; опять же вполне закономерно такие практики подлежат повсеместному общественному неодобрению, строгому запрету вплоть до уголовного преследования;
- в ситуациях с присутствием только мужчин обнажение гениталий допустимо, при этом случающаяся вдруг эрекция среди взрослых мужчин (не гомосексуалов) вызывает насмешки, ее стыдятся;

¹ Даже говорить, писать и читать об этом, вообще говоря, неприлично, если это не специальный медицинский дискурс.

- парадоксальным образом, несмотря на «неприличность» обнаженных пенисов, мужчины проявляют особую ревнивую чувствительность к их размерам, особенно сравнивая свой с чужими; подростки, вступающие в половую зрелость, откровенно меряются этими размерами и обсуждают их, взрослые мужчины как бы игнорируют такие сравнения, отводят глаза, когда видят других голых мужчин (например, в бане или в спортивной раздевалке), но это деланное равнодушие нередко является обманом или самообманом¹;
- обнажение мужского члена допустимо и может быть привлекательным в особой обстановке сексуального общения, обычно – камерной, за закрытыми дверями, при наиболее распространенных практиках уединенного секса;
- обнажение эрегированного члена среди женщин – нередкий сюжет эротических мужских фантазмов (грез, снов), причем с получением от молодых красавиц признания, восхищения и т.п.; социальные запреты (см. выше) обычно заставляют такие фантазмы скрывать, чтобы не стать объектом насмешек;
- склонность к нарушению запрета обнажаться в обычной (не специальной сексуальной ситуации за закрытыми дверями) известно как особое психическое нарушение, извращение – эксгибиционизм (где возбуждение связано именно с нарушением запрета); здесь важны также типовые реакции на такое поведение и на самих эксгибиционистов (ужас, презрительный смех, желание зажмуриться, убежать, а со стороны мужчин – сильная агрессия и порыв жестоко избить);
- есть характерное различие в отношении со стороны мужчин, да и многих женщин, к стриптизершам (симпатия, интерес, пусть и пуритански скрываемые) и к стриптизерам («фу-фу-фу, как это недостойно, даже постыдно»);
- для женщин имеет немалое значение социальное превосходство мужчин над другими мужчинами; сферы этого превосходства могут быть самыми разными – от физической силы и ловкости до богатства, славы, творческих талантов или интеллекта; при этом, сигналом эротической привлекательности мужчины, действующим на женскую душу на бессознательном уровне, является не столько сам признак (сильные мускулы, большой банковский счет или ученая степень), а сколько уверенное статусное поведение мужчины, подкрепляемое знаками почтения со стороны других мужчин.

Есть также исследования, подтверждающие «гипотезу сексуального сына», согласно которой мужчину выбирают по степени его популярности среди других женщин:

«... в некоторых случаях женский выбор обусловлен ничем иным, как выбором со стороны других женщин; то есть женщины иногда выбирают партнеров не потому, что они могут произвести более здоровое потомство, но просто потому, что их дети – особенно сыновья, – вероятно, будут выбраны следующим поколением женщин» (*Barash, Lipton 2001: 78*).

¹ «Остается неясным, кому же адресован столь открыто демонстрируемый признак мужественности? Большинство мужчин предположит, что он должен впечатлять женщин. Но, судя по всему, женщины склонны отдавать предпочтение другим мужским качествам, во всяком случае, вид пениса их не слишком привлекает. Кого действительно занимает пенис и его размеры, так это как раз мужчин. В душевых и раздевалках мужчины постоянно сравнивают размеры своих достоинств» (*Даймонд 2013: 72*).

Мужчина с большим членом, особенно разрекламированный другими женщинами, очевидно, вполне соответствует такому критерию и является желанным партнером для многих женщин еще и по этой причине, пусть неосознанной.

Эволюционное изменение анатомического размера пениса довольно сложным образом сочеталось с изменением поведенческих паттернов и ментальных структур. Предположительно эту сложность можно развернуть в последовательность нескольких шагов (разумеется, условную).

Первый шаг. Поскольку главные анатомические изменения происходили до одежды, даже до набедренных повязок, именно в тот период дамы вполне могли отдавать предпочтение обладателям больших членов при эрекции. Если хотя бы в какой-то мере верно предположение о переносе соперничества в «войну сперм», то в тот же период свое развитие получили форма, толщина пениса вместе с уязвимой мошонкой и мощной эякуляцией.

Любопытным образом на начальных этапах антропогенеза мужской член рос соответственно росту мозга и черепа. Дело в том, что для нормального осуществления коитуса у всех видов мужские и женские гениталии приспособлены друг к другу, подобно ключу и замку. Однако женское влагалище с необходимостью увеличивалось, чтобы соответствовать выросшей голове плода (при большом мозге, а значит и черепе взрослого человека череп младенца не может быть слишком маленьким). Если увеличивалась скважина «замка», то резонно ожидать, что будет расти и «ключ» (Barash, Lipton, 2001: 168). Надо только понять механизм такого приспособления. Так или иначе, через классический положительный половой отбор произошла первая волна роста мужских членов. Отчасти большой пенис служил средством визуального привлечения дам, отчасти служил для их удовлетворения, а отчасти способствовал победе в «войне сперм» при множественных оплодотворениях одной дамы.

Второй шаг включает появление и развитие таких структур как одежда, жилища и уединенный секс. Со всей вероятностью тогда же появляются групповые нормы, запрещающие демонстрацию гениталий на публике. Дамы разными способами удерживают своих партнеров, в том числе обретают или увеличивают свою способность испытывать или имитировать оргазм. Если для оплодотворения вполне достаточно меньшего и гораздо более тонкого пениса (как у шимпанзе), то для женского наслаждения крупный пенис гораздо более приспособлен¹. Теперь уже половой отбор идет не на основе непосредственного успеха в оплодотворении, а на способности удовлетворять женщин.

Третий шаг включает действие мужской «идеологии» престижности большого пениса, которая передавалась и дамским сообществам. Более уверенные и гордые счастливицы, пользовались завистливыми взглядами менее анатомически удачливых сверстников, получали закономерное преимущество в завоевании дамских сердец, а значит и выигрыш в половом отборе. Учтем, что в эпоху антропогенеза никаких противозачаточных средств не было, а значит, сексуальный успех у многих женщин закономерно вел к распространению генов обладателей больших членов, тогда как гены обладателей маленьких пенисов распространя-

¹ «Такое увеличение размеров полового члена приводит к тому, что наружные половые органы женщины испытывают большую нагрузку во время самого акта. При каждом поступательном движении пениса область клитора опускается, затем, при возвратном движении, поднимается вновь. Если к этому прибавить ритмическое сдавливание клиторальной области женщины лобковой областью ее партнера в положении «лицом к лицу», то происходит массаж клитора, аналогичный мастурбации» (Morris 2001).

лись гораздо хуже, а то и вовсе угасали вместе с несчастными одиночками.

Представленный механизм, повторяемый во многих поколениях, вполне годится для объяснения удивительного и «технически» избыточного размера пениса, который достался нам от выросших его (пре)неоантропов. Почему же тогда этот размер не рос и дальше, подобно оленьим рогам, павлиньему хвосту или львиной гриве? Так бы и происходило, но величина пениса эволюционно получила свое ограничение размерами женского влагалища, что справедливо отмечено Дж. Даймондом. Слишком огромные члены, встречающиеся и у современных людей, не только доставляют боль женщинам при совокуплении, но и отпугивают их, а потому уже никак не служат преимуществом в распространении генов своих владельцев. Более того, они толкают жен таких приапов к супружеским изменам, а значит к распространению генов любовников с пенисами приемлемого размера¹.

«Кнут» жесткого патриархата и брак как сексуальный (само)контроль

В завершающей фазе антропогенеза – неолите – поздние сапиенсы, уже разделенные на большие и малые расы, перешли к производящему хозяйству: земледелию и скотоводству. Исключительно важным фактором стало изобретение технологий хранения. В оседлых сообществах это были погребя, лабазы, керамические сосуды, деревянные бочки и проч., а у скотоводов сами стада имели функцию хранения ресурсов, доступных круглый год. Социальная значимость хранимых запасов определялась возможностью их отобрать, ограбить. Соответственно появлялись и росли новые заботы по охране запасов и развивались порядки, практики военной организации. Закономерно росла властная и имущественная стратификация, что напрямую было связано с контролем отдельных мужчин над вооруженной силой, с их престижем либо вследствие успешных грабежей, набегов, либо благодаря успешной защите от них.

Этот поистине тектонический сдвиг в социальной сфере разрушил прежнюю эгалитарность, которая была распространена, по крайней мере, в рамках каждой половозрастной группы в сообществах охотников-собираателей. Появились новые заботы повышать, утверждать свое положение в социальной иерархии, передавать эти позиции, а также материальные ресурсы собственным детям. Вообще говоря, в этих базовых социальных обстоятельствах мы живем по сию пору, несмотря на все произошедшие изменения и достижения (Джонсон, Эрл 2017).

Доступ к женщинам, их труду, репродуктивной способности, социальная поддержка их родни – все эти новые возможности и новые заботы для высокостатусных мужчин естественным образом стали обеспечиваться практиками полигамии. Практиковалось и наложничество, в том числе через захват женщин при набегах и завоеваниях. Низшим стратам оставалась моногамная форма брака, тогда как деклассированные, беднейшие и, тем более, рабы вообще лишались доступа к женщинам. Разумеется, такой порядок – патриархат с полигамией высших страт – предполагал жесткий контроль над сексуальным поведением женщин, учреждение запретных зон (гаремов, теремов), постоянного надзора, закрытой одежды и т. п. Практики контроля развивались в самых экзотических направлениях: кольца, удлиняющие женскую

¹ Так, в достаточно репрезентативном исследовании (545 пар и 12 фокус-групп) выяснилось, что среди главных факторов, побуждающих жен кенийских рыбаков изменять мужьям была слишком большая длина их пенисов (Kwena et al. 2014).

шею, которые при неверности снимались с летальным исходом, обрезание и прижигание клитора, всевозможные обручи невинности, закапывание в землю по голову и побитие камнями за супружескую измену и т. д. (Райан, Жета 2015). Наряду с изуверскими наказаниями женской неверности жестоко карались, нередко смертной казнью, низкостатусные мужчины, покушавшиеся на чужих жен – собственность нобилей. В догосударственных культурах полигамия уверенно доминирует¹, но и с развитием государств, цивилизаций она отнюдь не исчезает. Показательны немалые трудности, которые в течение многих столетий приходилось преодолевать христианским церквям в навязывании моногамии.

Ревность – это чувство, возникающее при нарушении соперником (соперницей) сексуальной собственности, или при подозрении на такое нарушение (Коллинз 2004). Зачастую связанными или даже слитыми с ревностью являются чувства унижения (ущемления достоинства, статуса) и фрустрации от потери властной позиции. Убийства ревнивцами соперников или жен-изменниц для «восстановления чести» осуществляются именно по этим мотивам.

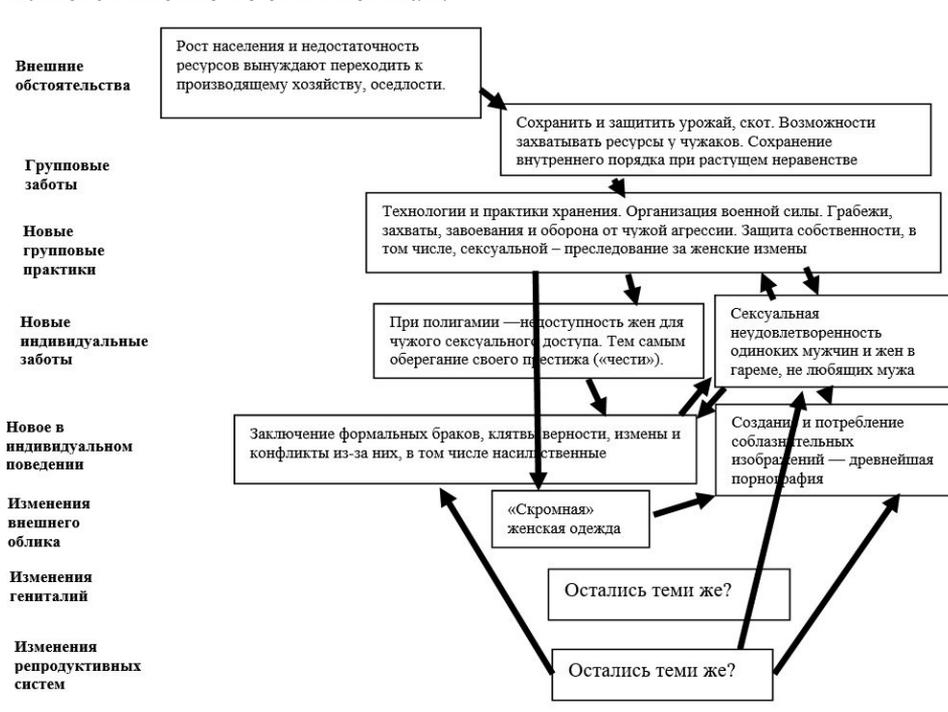

Рис. 3. Эволюция сексуальности на заключительном этапе антропогенеза: от мезолита до последствий социальной стратификации при неолите.

Фактически можно говорить о появлении в процессе эволюции нового «кнута», но уже не от природы к человеку, а от мужчин – к женщинам и от высших страт и сосло-

¹ «Известный антрополог Г. П. Мердок в своем классическом исследовании «Социальная структура» обнаружил, что во всем мире из 238 различных человеческих обществ моногамия применялась в качестве единственно приемлемой брачной системы только в 43 случаях. Таким образом, до контакта с Западом в среднем более 80% человеческих обществ были преимущественно полигинными. Это означает, что содержание гарема было именно тем, к чему стремилось большинство мужчин. Можно с полной уверенностью утверждать, что узаконенная моногамия была весьма редким явлением» (Barash, Lipton 2001: 147).

вий – к низшим. Была выкована традиционная, позже формально-правовая структура отношений – брак, основанный на сексуальной собственности (обоюдными исключительными правами доступа к супругу) с моральным порицанием измен, особенно женских (Коллинз 2004; Райан, Жета 2015). По сути дела, брак в своей исторической и социальной основе является не только союзом мужчины и женщин (между прочим, далеко не всегда добровольным), но порядком сексуального контроля и самоконтроля (рис. 3).

На протяжении дальнейших тысячелетий происходили волны ужесточения и смягчения этого порядка в разных обществах и культурах, как правило, сопряженные с динамикой либеральности/принудительности социальных и политических режимов. Порядок сексуального (само)контроля получил мощное религиозное и моральное подкрепление, позже – романтическое освещение в литературе и искусстве. В последние столетия в мире стала доминировать моногамия, во многом благодаря глобальному господству европейцев с христианской культурой (с XVI в.). В целом, постепенно смягчались нравы, брак стал все больше освещаться принципом и ценностью любви (XIX в.), женщины, благодаря своей борьбе, обретали все больше прав и возможностей, особенно в христианских и постхристианских обществах XX в.

Человечество продолжает существовать с брачным порядком как отношением сексуальной собственности. Спорадические попытки отмены брака, перехода к порядкам «общности жен» или «свободной любви» обычно в скором времени проваливались, угасали, дискредитировались. Если и был когда-то «рай» свободной любви, отсутствия ревности, общей солидарности и готовности к сексу, то возврат к нему не возможен. Вместе с тем, удручающая доля несчастных и распадающихся браков, а также неизбежность супружеских измен (отнюдь не только со стороны мужей), последующих конфликтов, разводов, насилия, даже с летальным исходом¹, указывают на значимое несоответствие между устройством человеческой сексуальности, обретенным на ранних стадиях антропогенеза, и брачными нормами верности.

«Кнут» этого контроля бывает более жестоким или относительно терпимым, но сладкий «пряник» (или «яблоко райского древа», если угодно) продолжает манить мужчин и женщин, а нередко и поддаваться соблазнам. Судя по всему, этот глубинный разлад (дискорданс), будет сопутствовать человечеству еще неопределенно долгое время, притом что универсальных простых решений нет и не предвидится.

Научная литература

- Басс Д.М. Эволюция сексуального влечения: Стратегии поиска партнеров. Москва: Альпина Паблишер, 2019. 312 с.
- Бутовская М.Л. Антропология пола. Фрязино: Век 2, 2013. 256 с.
- Бэйкер Р. Постельные войны. Неверность, сексуальные конфликты и эволюция отношений. Москва: Альпина нон-фикшн, 2013. 402 с.
- Вишняцкий Л.Б. Как Номо стали sapiens. Происхождение и ранняя история нашего вида. М.: Российский гуманитарный научный фонд, 2014. 138 с.
- Даймонд Дж. Почему нам так нравится секс? Эволюция сексуальности человека. Москва: АСТ, 2013. 256 с.
- Джонсон А., Эрл Т. Эволюция человеческих обществ. От добывающей общины к аграрному государству. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 548 с.

¹ «Около трети супружеских убийств в Соединенных Штатах происходят из-за женской неверности, действительной или подозреваемой. Уровень насилия, порожденного неверностью, даже выше в других обществах, для которых есть данные, например, в странах Африки (Barash, Lipton 2001: 55).

- Дробышевский С.В.* Достающее звено. Книга вторая: Люди. М.: АСТ: CORPUS. 592 с.
- Коллинз Р.* Социологическая интуиция. Введение в неочевидную социологию в кн.: Бергер Б., Бергер П. Л. Коллинз Р. Личностно-ориентированная социология. Москва: Академический проект, 1994. С. 399–598.
- Моррис Д.* Голая обезьяна. Санкт-Петербург: Амфора/Эврика, 2001. 257 с.
- Райан Кр., Жета К.* Секс на заре цивилизации: эволюция человеческой сексуальности: с доисторических времён до наших дней. Москва: Ориенталия, 2015. 512 с.
- Соколов А.Б.* Странная обезьяна. Куда делась шерсть и почему люди разного цвета. Москва: Альпина нон-фикшн, 2020. 576 с.
- Barash D.P., Lipton J.E.* The Myth of Monogamy. Fidelity and Infidelity in Animals and People. New York: Henry Holt and Company, 2001. 240 p.
- Bellis M.A., Baker R.R.* Do Females Promote Sperm Competition: Data for Humans. *Animal Behaviour*, 1990. No 40. P. 997–999.
- Birkhead T.* Promiscuity: An Evolutionary History of Sperm Competition and Sexual Conflict. New York: Faber and Faber, 2000. 272 p.
- Fisher H.E.* Anatomy of Love. New York: Fawcett Columbine, 1992. 308 p.
- Hare B., Wobber V., Wrangham R.* The self-domestication hypothesis: evolution of bonobo psychology is due to selection against aggression. *Animal Behaviour*, 2012. No 83. P. 573–585.
- Hrdy S.B.* Mother Nature: A History of Mothers, Infants and Natural Selection. Boston: Pantheon Books, 1999. 752 p.
- Kwena Z., Mwanzo I., Shisanya Chr., Camlin C., Turan J., Achiro L., Bukusi E.* Predictors of Extra-Marital Partnerships among Women Married to Fishermen along Lake Victoria in Kisumu County, Kenya. *Public Library of Science (PLOS)*, April 18, 2014. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0095298>. Access: 30.07.2020.
- Lloyd E.A.* The case of the female orgasm: Bias in the science of evolution. Harvard: University Press, 2005. 320 p.
- Mautz B. S. Bob B., Wong M., Peters R.A., Jennions M.D.* Penis size interacts with body shape and height to influence male attractiveness. *PNAS USA*. 2013. No. 110(17). P. 6925–6930.
- Mealey L.* Sex Differences: Development and Evolutionary Strategies. San Diego: Academic Press, 2000.
- Palombit R.A.* Extra-pair copulations in a monogamous ape. *Animal Behavior*, 1994. No 47. P. 721–723.
- Pertschuk M., Trisdorfer A.* Men's bodies—the survey. *Psychology Today*, 1994. No 27. P. 44–50.
- Power M.* The Egalitarians: Human and Chimpanzee. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1991. 290 p.
- Prum R.O.* The Evolution of Beauty. How Darwin's Forgotten Theory of Mate Choice Shapes the Animal World and Us. New York – Toronto: Doubleday, 2017. 448 p.
- Reichard U.* Extra-pair copulations in a monogamous gibbon (*Hylobates lar*). *Ethology*, 1995. No. 100 (2). P. 99–112.
- Sherfey M. J.* The Nature and Evolution of Female Sexuality. New York: Random House, 1972. 577 p.
- Symons D.* The Evolution of Human Sexuality. Oxford: Oxford University Press, 1979. 358 p.
- Thornhill R., Gangestad S. W.* The Functional Design and Phylogeny of Women's Sexuality. In: The Evolution of Sexuality (Eds. Shackelford T. K., Hansen R. D.). Springer, 2015. P. 149–184.
- Wheatley J.R., Puts D.A.* Evolutionary Science of Female Orgasm. In: The Evolution of Sexuality (Eds. Shackelford T. K., Hansen R. D.). Springer, 2015. P. 123–148.

Rozov, Nikolai S.

Multi-level Evolution of Sexuality in Anthropogenesis: A Conceptual Reconstruction

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/87-109

Diverse studies of human sexuality allow a conceptual reconstruction of its main evolutionary stages. There are complex dynamic interconnections between natural and social environment (hazards, subsistence strategies, intergroup relations), group needs and

practices concerning intragroup interactions; individual concerns and practices of men and women including both innate instinctive programs and behavioral stereotypes; appearance and sexual characteristics; the structure of male and female genitalia and reproductive systems. Anatomical, physiological and psychophysiological structures bear the imprint of the most ancient social orders and the sexual life of our distant ancestors. Many concerns and structures of a very different nature are built around the reproductive “core”. These include attractiveness, erotic signals and responses, arousal, various feelings, emotional relations, interactions and practices (passion, love, solidarity, fidelity, erotic prestige, power, sexual property, jealousy, violence, etc.). At the same time the mental and behavioral components of sexuality are multilayered and, along with archaic structures, include more or less flexible layers that change from era to era, from culture to culture, from one social orders of kinship, power, wealth, prestige, violence to others. All this “peripheral” sexuality acquires its autonomy with its own mechanisms and patterns, which are closely related to ecology, culture and social environment, therefore, they are not always determined by the concerns and structures of the “core”: human reproductive system and hereditary adaptive mechanisms. Both the “core” and “periphery” of sexuality are characterized by additional turns of complexity. Sexual concerns and structures of males and females are closely related to the concerns and structures of the opposite sex, in many aspects they evolve as a whole, albeit divided among individuals of both sexes. Each major period of anthropogenesis has left its mark on human sexuality. It is shown that renewed tensions in the sexual sphere (in particular, associated with adultery) indicate a certain internal conflict between the deep properties of sexuality and subsequent social and cultural layers.

Keywords: *anthropogenesis, evolution of sexuality, paleopsychology, sexuality of primates, monogamy, polygamy, promiscuity*

For Citation: Rozov, N.S. 2021. Multi-level Evolution of Sexuality in Anthropogenesis: A Conceptual Reconstruction. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 87–109.

Author Info:

Rozov, Nikolai S. – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Social Philosophy and Political Science, Novosibirsk State University, Professor of the Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: nrozov@gmail.com

References

- Baker, R. 2013. *Postelnie voyni. Nevernost', seksual'nie konflikti i evolyuciya otnosheniy* [Sperm Wars: Infidelity, Sexual Conflict, and Other Bedroom Battles], transl. from Engl. by I. Seseikina. Moscow: Alpina Non-fiction.
- Barash, D. P., Lipton, J. E. 2001. *The Myth of Monogamy. Fidelity and Infidelity in Animals and People*. New York: Henry Holt and Company.
- Bass, D.M. 1994. *Evolyuciya seksual'nogo vlecheniya: Strategii poiska partnerov* [The Evolution of Desire: Strategies of Human Mating], transl. from Engl. by M. L. Kul'neva. Moscow: Alpina Digital.
- Bellis, M.A., Baker, R.R. 1990. Do Females Promote Sperm Competition: Data for Humans. *Animal Behaviour* 40: 997–999.
- Birkhead, T. 2000. *Promiscuity: An Evolutionary History of Sperm Competition and Sexual Conflict*. New York: Faber and Faber.
- Butovskaya, M. L. 2013. *Antropologiya pola* [The Anthropology of Sex]. Fryazino: Vek 2.

- Diamond, J. 2013. *Pochemu nam tak nraivitsia seks? Evoliutsiia seksual'nosti cheloveka* [Why Is Sex Fun? The Evolution of Human Sexuality]. Moscow: AST.
- Drobyshevsky, S.V. 2017. *Dostayushee zveno. Kniga vtoraya: Lyudi* [The missing link. Book Two: People]. Moscow: AST: CORPUS.
- Fisher, H.E. 1992. *Anatomy of Love*. New York: Fawcett Columbine.
- Hare, B., Wobber, V., Wrangham, R. 2012. The self-domestication hypothesis: evolution of bonobo psychology is due to selection against aggression. *Animal Behaviour* 83: 573–585.
- Hrdy, S.B. 1999. *Mother Nature: A History of Mothers, Infants and Natural Selection*. Boston: Pantheon Books.
- Johnson, A., T. Earle. 2017. *Evoluciya chelovecheskih obschestv. Ot dobivayushey obschiny k agrarnomu gosudarstvu* [The Evolution of Human Societies. From Foraging Group to Agrarian State]. Moscow: Izdatelstvo Instituta Gaydara.
- Collins, R. 1994. Sotsiologicheskaia intuitsiia. Vvedenie v neochevidnuiu sotsiologiiu [Sociological Insight: An Introduction to Non-Obvious Sociology]. In: Berger B., Berger P. L. Collins R. *Lichnostno-orientirovannaiia sotsiologiia* [Person-Oriented Sociology], 399–598. Moscow: Akademieskii proekt.
- Kwena Z. et al. 2014 – Kwena, Z., Mwanzo, I., Shisanya, Chr., Camlin, C., Turan, J., Achiro, L., Bukusi, E. Predictors of Extra-Marital Partnerships among Women Married to Fishermen along Lake Victoria in Kisumu County, Kenya. *Public Library of Science (PLOS)*, April 18. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0095298>. Access: 30.07.2020.
- Lloyd, E.A. 2005. *The Case of the Female Orgasm: Bias in the Science of Evolution*. Harvard: University Press.
- Mautz, B. S., Bob B., Wong, M., Peters, R.A., Jennions, M.D. 2013. Penis Size Interacts with Body Shape And Height to Influence Male Attractiveness. *PNAS USA* 110 (17): 6925–6930.
- Mealey, L. 2000. *Sex Differences: Development and Evolutionary Strategies*. San Diego: Academic Press.
- Morris, D. 2001. *Golaya obezyana* [The Naked Ape]. Saint Petersburg: Amfora/Evrika Publ.
- Palombit, R.A. 1994. Extra-pair Copulations in a Monogamous Ape. *Animal Behavior* 47: 721–723.
- Pertschuk, M., Trisdorfer, A. 1994. Men's bodies – the survey. *Psychology Today* 27: 44–50.
- Power, M. 1991. *The Egalitarians: Human and Chimpanzee*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Prum, R.O. 2017. *The Evolution of Beauty. How Darwin's Forgotten Theory of Mate Choice Shapes the Animal World and Us*. New York – Toronto: Doubleday.
- Reichard, U. 1995. Extra-pair copulations in a monogamous gibbon (*Hylobates lar*). *Ethology* 100 (2): 99–112.
- Ryan, Chr., Jetha, C. 2015. *Seks na zare civilizacii: evoluciya chelovecheskoy seksualnosti: s doistoricheskikh vremen do nashih dnei* [Sex at Dawn: The Prehistoric Origins of Modern Sexuality]. Moscow: Orientaliya.
- Sherfey, M. J. 1972. *The Nature and Evolution of Female Sexuality*. New York: Random House.
- Sokolov, A.B. 2020. *Strannaia obez'iana. Kuda delas' sherst' i pochemu liudi raznogo tsveta* [Strange Ape. Where Did the Wool Go and Why People Are of Different Colors]. Moscow: Al'pina non-fikshn.
- Symons, D. 1979. *The Evolution of Human Sexuality*. Oxford: Oxford University Press.
- Thornhill, R., Gangestad, S. W. 2015. The Functional Design and Phylogeny of Women's Sexuality. In: *The Evolution of Sexuality* (Eds. Shackelford T. K., Hansen R. D.). Springer, 149–184.
- Vishnyatsky, L.B. 2014. *Kak Homo stali sapiens. Proishozhdenie i rannaya istoriya nashego vida*. [How Homo Became Sapiens. The Origin and Early History of Our Species]. Moscow: Russian Humanitarian Science Foundation.
- Wheatley, J.R., Puts, D.A. 2015. Evolutionary Science of Female Orgasm. In: *The Evolution of Sexuality* (Eds. Shackelford T. K., Hansen R. D.). Springer, 123–148.